

Министерство образования Республики Беларусь

**Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»**

И. Г. ЕВТУХОВА

**СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК.
ЛЕКСИКОЛОГИЯ**

**ЗАДАНИЯ К КОНТРОЛЬНОЙ РАБОТЕ
для студентов заочного факультета
специальности 1-21 05 02 «Русская филология»
(по направлениям)
(1-21 05 02-01 «Литературно-редакционная деятельность»)**

**Гомель
УО «ГГУ им. Ф. Скорины»
2012**

УДК
ББК
Е

Рецензенты:

О.И. Ревуцкий, канд. фил. наук, доцент кафедры русского языка УО «Мозырский государственный университет имени И.П. Шамякина»;

И.И. Кобыш, канд. фил. наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

Рекомендовано к изданию научно-методическим советом учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

Евтухова, И.Г.

Е Современный русский язык. Лексикология : задания к контрольной работе для студентов заочного факультета специальности 1-21 05 02 «Русская филология» (по направлениям) (1-21 05 02-01 «Литературно-редакционная деятельность») / И. Г. Евтухова; М-во образ. РБ, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2012. – 38 с.

Задания к контрольной работе составлены в соответствии с требованиями учебной программы курса «Современный русский язык». Издание содержит 30 вариантов текстов, позволяющих индивидуально проконтролировать степень усвоения теоретических знаний и уровень владения практическими навыками. Учебное издание сопровождается также методическими рекомендациями, образцами выполнения заданий, списком необходимой литературы. Задания адресованы студентам заочного факультета специальности 1-21 05 02 «Русская филология».

УДК
ББК

© Евтухова, И. Г., 2012

© УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», 2012

Содержание

Введение.....	4
Задания к контрольной работе.....	5
Вариант 1.....	6
Вариант 2.....	7
Вариант 3.....	8
Вариант 4.....	8
Вариант 5.....	9
Вариант 6.....	10
Вариант 7.....	11
Вариант 8.....	12
Вариант 9.....	12
Вариант 10.....	13
Вариант 11.....	14
Вариант 12.....	14
Вариант 13.....	15
Вариант 14.....	16
Вариант 15.....	17
Вариант 16.....	17
Вариант 17.....	18
Вариант 18.....	19
Вариант 19.....	20
Вариант 20.....	20
Вариант 21.....	21
Вариант 22.....	22
Вариант 23.....	22
Вариант 24.....	23
Вариант 25.....	24
Вариант 26.....	25
Вариант 27.....	25
Вариант 28.....	26
Вариант 29.....	27
Вариант 30.....	28
Комментарии к заданиям.....	29
Образец выполнения контрольной работы.....	38
Литература.....	42

Введение

Актуальность данных заданий обусловлена включением в учебный план 1 курса заочного факультета специальности «Русская филология» курса «Современный русский язык».

Целью данной контрольной работы является формирование знаний и умений по разделу «Лексикология», что позволит глубже понять наиболее важные и сложные вопросы лексикологии и фразеологии современного русского языка: способы переноса значений, типы синонимов, омонимов, язык – источник заимствованных слов, типы архаизмов, фразеологических оборотов, их стилистические функции и др.

Для того чтобы студенты могли справиться с поставленными задачами, по каждому вопросу даются комментарии, содержащие необходимую теоретическую информацию, приведены образцы выполнения заданий.

Анализ текста предлагается в 30 вариантах, что поможет осуществить индивидуальный подход в обучении и контроле знаний.

В пособие также включен список учебно-методической литературы и словарей, обращение к которым необходимо при изучении разделов лексикологии и фразеологии современного русского языка.

Задания к контрольной работе

1. Выписать из текста не менее 5 однозначных слов и 10 многозначных слов, с помощью толкового словаря определить их лексическое значение, указать характер переносного значения (метафора, метонимия, синекдоха, функциональный перенос).

2. К десяти словам из текста подобрать синонимы (не менее 3-х), указать их тип (полные (абсолютные), семантические, или идеографические, стилистические, семантико-стилистические, контекстуальные).

3. К десяти словам из текста подобрать антонимы, указать, по каким признакам осуществляется противопоставление в приведенных антонимических парах.

4. К пяти словам из текста подобрать омонимы. Определить их тип (лексические омонимы (полные, неполные), омоформы, омофоны, омографы).

5. Выписать исконно русские слова (общеславянские, восточнославянские, собственно русские) (по 5 примеров).

6. Выписать из текста все имеющиеся заимствованные слова, с помощью словаря иностранных слов определить их точное лексическое значение и языковой источник. Указать, какие чуждые системе русского языка фонетико-морфологические черты сохранились в заимствованных словах. Охарактеризовать степень освоения заимствованных слов русским языком.

7. Выписать все устаревшие слова, с помощью толкового словаря определить их лексическое значение и тип (историзмы, архаизмы, указать типы архаизмов). Определить стилистическую функцию устаревших слов.

8. Выписать слова межстилевые, письменно-книжные и устно-разговорные (по 5 примеров).

Если в тексте отсутствуют слова, относящиеся к определенной группе лексики, составить и записать по 2-3 предложения дополнительно.

9. Выписать из «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А.И. Молоткова 10 фразеологизмов, определить их значения. Охарактеризовать фразеологизмы в следующих отношениях: а) с точки зрения происхождения; б) по соотносительности с частями речи; в) по степени спаянности компонентов (фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические выражения); г) по стилистической сфере употребления.

10. Привести 3-4 словарные статьи по «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля в доказательство его энциклопедичности.

Вариант 1

В комнате, которую сам содержатель трактира, казак Семен Чистоплюй, называет «проезжающей», то есть назначенной исключительно для проезжих, за большим некрашеным столом сидел высокий, широкоплечий мужчина лет сорока. Облокотившись о стол и подперев голову кулаком, он спал. Огарок сальной свечи, воткнутый в баночку из-под помады, освещал его русую бороду, толстый широкий нос, загорелые щеки, густые черные брови, нависшие над закрытыми глазами... И нос, и щеки, и брови, все черты, каждая в отдельности, были грубы и тяжелы, как мебель и печка в «проезжающей», но в общем они давали нечто гармоническое и даже красивое. Такова уж, как говорится, планида русского лица: чем крупнее и резче его черты, тем кажется оно мягче и добродушнее. Одет был мужчина в господский пиджак, поношенный, но обшитый новой, широкой тесьмой, в плюшевую жилетку и широкие черные панталоны, засунутые в большие сапоги.

На одной из скамей, непрерывно тянувшихся вдоль стены, на меху лисьей шубы спала девочка лет восьми, в коричневом платье и в длинных черных чулках. Лицо ее было бледно, волосы белокуры, плечи узки, все тело худо и жидко, но нос выдавался такой же толстой и некрасивой шишкой, как и у мужчины. Она спала крепко и не чувствовала, как полукруглая гребенка, свалившаяся с головы, резала ей щеку.

«Проезжающая» имела праздничный вид. В воздухе пахло свежесвымытыми полами, на веревке, которая тянулась диагонально через всю комнату, не висели, как всегда, тряпки, и в углу, над столом, кладя красное пятно на образ Георгия Победоносца, теплилась лампадка. Соблюдая самую строгую и осторожную постепенность в переходе от божественного к светскому, от образа, по обе стороны угла, тянулся ряд лучочных картин. При тусклом свете огарка и красной лампадки картины представляли из себя одну сплошную полосу, покрытую черными кляксами; когда же изразцовая печка, желая петь в один голос с погодой, с воем вдыхала в себя воздух, а поленья, точно очнувшись, вспыхивали ярким пламенем и сердито ворчали, тогда на бревенчатых стенах начинали прыгать румяные пятна и можно было видеть, как над головой спавшего мужчины вырастали то старец Серафим, то шах Наср-Эддин, то жирный коричневый младенец, таращивший глаза и шептавший что-то на ухо девице с необыкновенно тупым и равнодушным лицом...

(А.П. Чехов)

Вариант 2

Дождь – не от слова ли «даждь»? Дай, подай, подари. Дождь, дожди, дождичек, задождило. Обложные дожди. Накапывает, моросит, льет как из ведра. Теплый ночной дождичек – открыть окно – шуршит в крапиве, в листве деревьев... А то еще совсем прозаическая фраза из школьного учебника для четвертого класса: «Круговорот воды в природе».

Эта казенная фраза всегда была для меня исполнена глубокой поэзии. Когда я повторял ее то про себя, то вслух по несколько раз, мне казалось, что этой фразой можно назвать книгу стихов, поэму. «Круговорот воды в природе, круговорот воды в природе», – твердил я, и одновременно рисовались мне сквозь стеклянную прозрачность слов (как одновременно мы видим, что лежит за большим стеклом витрины и что на нем отражено) белые кучевые облака, плывущие, словно паруса, по синему летнему небу. Потом начинает синеть, темнеть, наливаясь лиловой чернотой один край неба, начинает тянуть оттуда прохладой и влагой, свежий ветер неожиданными короткими порывами тревожит листву. И вот уж половина небесной сферы занята нависающей и как бы несущей угрозу тучей, и начинают ударять молнии сверху вниз, и первые крупные капли свертываются в шарики в дорожной пыли, прежде чем хлынет, освежит, напоит, омоет, потечет ручьями, засверкает лужами, засветится на траве и листьях, после того как туча уже прошла над нами и поливает теперь земли других деревень и сел. Начинает все куриться легким парком, испаряется, обсыхает, возносится кверху. Круговорот воды в природе... Вода журчит ручьями, грохочет водопадами, горными реками (талые ледниковые воды), бухает океанскими прибоями. Отражает небесную твердь и землю лесными озерами, большими прудами, тихими омутами, отстаивается глубоко в недрах неведомыми нам подземными хранилищами воды, размеренно капает за веком век с причудливых сталактитов в пещерах, выбивается к солнцу родниками, ключами, голубеет и зеленеет айсбергами, выпадает на зеленые растения то инеем, то росой... Но при всем разнообразии форм и движений земной воды есть у нее два неотвратимых пути: подняться вверх, в небо, и пролиться опять на землю. Конечно, прежде чем пролиться, поплавают облаками и тучами, где обнадежит, а где, возможно, и напугает.

Однако в наших местах, в средних, как говорится, широтах, как бы угрожающе ни нависала туча, какой тревоги ни внушала бы нам, жителям средних широт, не боимся мы ни грозы, ни дождя, знаем, что ни тропических наводнений, ни тайфунов не принесет нам туча. Дождь у

нас почти всегда благо. И боимся мы воды не в грозных и грохочущих проявлениях, а скорее в виде мелкого и занудного ненастья.

(В. Солоухин)

Вариант 3

Этот овраг начинается за селом, за огородами, его склоны были главным местом наших салазочных и лыжных катаний. Весной по дну оврага бежит бурный ручей: из сельского пруда вытекают излишки воды. Они широко растекаются по лугу в сторону речки. Сначала ручей бурлит в глубокой снежной траншее, местами даже под снегом, а потом снег обрушивается, тает, а вода течет уже по голой земле, по прошлогодней траве.

К июню весь овраг превращался в яркий буйный цветник с желтыми лютиками на дне оврага, где бежала вода, и с малиновыми махровыми гвоздиками по сухим склонам. Ну и ромашки, конечно, и полевая клубника. Лежа среди цветов, можно было за целый день не увидеть здесь никого, кроме пчел и бабочек. Место чистое, тихое, одинокое. Там и поставили миром избушку для Александры с дочерью. Тотчас ли посадили, росла ли раньше, но помню, что перед окнами избушки, всю ее осеня, распространяла зеленую крону большая ветла. Был еще огорожок в четыре грядки, ходили куры. Гераньки на окне, иконы, золотящиеся фольгой в переднем углу. Все чистенько, все, как бы сказала сама теперь Паша, по-доброму, по-хорошему.

Избушку поставили, надо полагать, не раньше девятнадцатого года, а я мог ее видеть так, чтобы помнить, пяти-шестилетним. То есть уже году в двадцать девятом или тридцатом. В это время и Васеньке, Василисе, Пашиной дочке, было столько же лет; потому что мы с нею оказались одного года рождения.

(В. Солоухин)

Вариант 4

Правильно и невозмутимо совершается там годовой круг.

По указанию календаря наступит в марте весна, побегут грязные ручьи с холмов, оттает земля и задымится теплым паром. Скинет крестьянин полушубок, выйдет в одной рубашке на воздух и, прикрыв глаза рукой, долго любуется солнцем, с удовольствием пожимая плечами. Потом он потянет опрокинутую вверх дном телегу то за одну, то за дру-

гую оглоблю или осмотрит и ударит ногой праздную лежащую под навесом соху, готовясь к обычным трудам.

Не возвращаются внезапные вьюги весной, не засыпают полей и не ломают снегом деревьев.

Зима, как неприступная, холодная красавица, выдерживает свой характер вплоть до узаконенной поры тепла; не дразнит неожиданными оттепелями и не гнет в три дуги неслыханными морозами; все идет обычным, предписанным природой общим порядком.

В ноябре начинается снег и мороз, который к Крещенью усиливается до того, что крестьянин, выйдя на минуту из избы, воротится непременно с инеем на бороде; а в феврале чуткий нос уже чувствует в воздухе мягкое веянье близкой весны. Но лето, лето особенно упоительно в том краю. Там надо искать свежего, сухого воздуха, напоенного не лимоном и не лавром, а просто запахом полыни, сосны и черемухи; там искать ясных дней, слегка жгучих, но непалящих лучей солнца и почти в течение трех месяцев безоблачного неба.

Как пойдут ясные дни, то и длятся недели три-четыре; и вечер тепел там, и ночь душна. Звезды так приветливо, так дружески мигают с небес.

Дождь ли пойдет – какой благотворный летний дождь! Хлынет бойко, обильно, весело запрыгает, точно крупные и жаркие слезы внезапно обрадованного человека; а только перестанет – солнце уже опять с ясной улыбкой любви осматривает и сушит поля и пригорки, вся страна опять улыбается счастьем в ответ солнцу.

Радостно приветствует дождь крестьянин: «Дождичек вымочит, солнышко высушит!» – говорит он, подставляя с наслаждением под теплый ливень лицо, плечи и спину.

Грозы не страшны, а только благотворны там: бывают постоянно в одно и то же установленное время, не забывая почти никогда Ильина дня, как будто для того, чтоб поддержать известное предание в народе. И число, и сила ударов, кажется, всякий год одни и те же, точно как будто из казны отпускалась на год на весь край известная мера электричества.

Ни страшных бурь, ни разрушений не слышать в том краю.

(И. Гончаров)

Вариант 5

Когда мы с няней входили к тете в парадный подъезд с Фонтанки, нас всегда приветливо встречал старенький швейцар с седыми баками. Он был облечен в красную с золотом придворную ливрею, носил на шее

огромнейшую медаль и чем-то был похож на своего генерала. Как только в бельэтаже отворялись (обитые зеленым сукном, с медными гвоздиками) двери в квартиру, меня охватывала легкая жуть уже от одной строгой передней с высокими зеркалами и стоявшими тут навтыяжку двумя рослыми измайловскими рядовыми – дежурными вестовыми. Даже и после наших больших размеров комнат тетина квартира меня пугала своими еще более высокими потолками, пугала и ужасно скользким паркетом залы, через которую надо было пройти, и огромными картинами, и овальными портретами в толстых золотых рамах, и тяжелыми бархатными портьерами от потолка до пола с золотыми карнизами и кистями. Я больше всего любил забраться в уютный тетин будуар и там, усевшись на диване возле углового окна, смотреть через зеркальное стекло на улицу – этого удовольствия не было в нашей квартире. Помнится падающий снег, и через его сетку я гляжу на горбатый каменный Измайловский мост, полный черных фигурок прохожих, на конку, заворачивающую на узенький решетчатый мостик, на оживленный каток на льду Фонтанки и на пропадающую в снежной дали прямую линию Вознесенского проспекта.

(М. Добужинский)

Вариант 6

За людской избой и под стенами скотного двора росли громадные лопухи, высокая крапива, глухая и жгучая, пышные малиновые татарки в колючих венчиках, что-то бледно-зеленое, называемое козельчиками, и все это имело свой особый вид, цвет, запах и вкус. Мальчишка-подпасок, существование которого мы тоже наконец открыли, был необыкновенно интересен: посконная рубашонка и коротенькие портчонки были у него дыра на дыре, ноги, руки, лицо высушены, сожжены солнцем и лупились, губы болели, потому что вечно жевал он то кислую ржаную корку, то лопухи, то эти самые козельчики, разъедавшие губы до настоящих язв, а острые глаза воровски бегали: ведь он хорошо понимал всю преступность нашей дружбы с ним и то, что он подбивал и нас есть бог знает что. Но до чего сладка была эта преступная дружба! Как заманчиво было все то, что он нам тайком, отрывисто, поминутно оглядываясь, рассказывал! Кроме того, он удивительно хлопал, стрелял своим длинным кнутом и бесовски хохотал, когда пробовали и мы хлопать, предельно обжигая себя по ушам концом кнута...

Но уж где было настоящее богатство всякой земляной снеди, так это между скотным двором и конюшней, на огородах.

Подражая подпаску, можно было запастись посоленной коркой черного хлеба и есть длинные зеленые стрелки лука с серыми зернистыми махорчиками на остриях, красную редиску, белую редьку, маленькие, шершавые и бугристые огурчики, которые так приятно было искать, шурша под бесконечными ползучими плетями, лежавшими на рассыпчатых грядках... На что нам было все это, разве голодны мы были? Нет, конечно, но мы за этой трапезой, сами того не сознавая, приобщались самой земли, всего того чувственного, вещественного, из чего создан мир.

(И. Бунин)

Вариант 7

Узкая дорога свернула с почтового шляха налево. Навстречу саням ровной, высокой стеной спокойно приближался помещичий лес, черный снизу, а сверху обремененный снежными шапками. В узком и мрачном коридоре, между двумя рядами толстых сосновых стволов, было темней, тише и теплее. Бледное сияние месяца тонкими, неправильными узорами прорезывалось сквозь густые тени деревьев и местами слабо и нежно серебрило чешую коры. Иногда через дорогу протягивалась, точно огромная рука с растопыренными белыми пальцами, отягченная снегом ветка. Она задевала лошадей по головам и, сделав широкий, упругий размах, осыпала обоих седоков мягким, холодным пухом. По обеим сторонам дорожки, справа и слева, в нескольких шагах от саней, деревья смыкались в черную, непроницаемую массу, в которую страшно было смотреть.

Цирельман лег на спину. Вверху, между зубчатыми ветками, извивался прихотливым путем просвет далекого темно-синего неба с большими дрожащими звездами. Вершины сосен тихо и разнообразно шатались, как будто деревья покачивали головами с различным выражением: одни задумчиво и неодобрительно, другие с угрозой, третьи медленно и важно кланялись.

Порой Цирельман закрывал глаза, и тогда ему через несколько минут начинало мерещиться, что сани замедляют ход, потом только вздрагивают на одном месте, и затем он начинал двигаться назад, в противоположную сторону. И хотя Цирельману был с детства знаком этот физический обман, но ему приятно было мечтать, что, по какому-то волшебству, он и в самом деле едет назад, к местечку, и что неожиданно окончится и эта жуткая поездка, и эта бесконечная, тревожная ночь.

(А. И. Куприн)

Вариант 8

Райский обогнул весь город и из глубины оврага поднялся опять на гору, в противоположном конце от своей усадьбы. С вершины холма он стал спускаться в предместье. Весь город лежал перед ним как на ладони.

Он с пристрастным чувством, пробужденным старыми, почти детскими воспоминаниями, смотрел на эту кучу разнохарактерных домов, домиков, лачужек, сбившихся в кучу или разбросанных по высотам и по ямам, ползущих по окраинам оврага, спустившихся на дно его, домиков с балконами, с маркизами, с бельведерами, с пристройками, надстройками, с венецианскими окошками или едва заметными щелями вместо окон, с голубятнями, скворечниками, с пустыми, заросшими травой дворами. Смотрел на искривленные, бесконечные, идущие между плетнями переулки, на пустые, без домов, улицы, с громкими надписями: «Московская улица», «Астраханская улица», «Саратовская улица», с базарами, где навалены груды лык, соленой и сушеной рыбы, кадки дегтя и калачи; на зияющие ворота постоянных дворов, с далеко разносящимся запахом навоза, и на бренчащие по улице дрожки.

Было за полдень давно. Над городом лежало оцепенение покоя, штиль на суше, какой бывает на море, штиль широкой, степной, сельской и городской русской жизни. Это не город, а кладбище, как все эти города.

Он не то умер, не то уснул или задумался. Растворенные окна зияли, как разверстые, но неговорящие уста; нет дыхания, не бьется пульс. Куда же убежала жизнь? Где глаза и язык у этого лежащего тела? Все пестро, зелено, и все молчит.

Райский вошел в переулки и улицы: даже ветер не ходит. Пыль, уже третий день не тронутая, одним узором от проехавших колес лежит по улицам; в тени забора отдыхает козел, да куры, вырыв ямки, уселись в них, а неутомимый петух ищет поживы, проворно раскапывая то одной, то другой ногой кучу пыли.

(И. Гончаров)

Вариант 9

Дом у них был старый, длинный, в два этажа, с гербом на фронто-не, с толстыми, массивными стенами, с глубокими окошками и длинными простенками.

В доме тянулась бесконечная анфилада обитых штофом комнат; темные, тяжелые резные шкафы со старым фарфором и серебром, как

саркофаги, стояли по стенам с тяжелыми же диванами и стульями рококо, богатыми, но жесткими, без комфорта. Швейцар походил на Нептуна; лакеи пожилые и молчаливые, женщины в темных платьях и чепцах. Экипаж высокий, с шелковой бахромой, лошади старые, породистые, с длинными шеями и спинами, с пожелтевшими от старости губами, при езде крупно кивающие головой.

Комната Софьи смотрела несколько веселее прочих, особенно когда присутствовала в ней сама хозяйка: там были цветы, ноты, множество современных безделок.

Еще бы немного побольше свободы, беспорядка, света и шума – тогда это был бы свежий, веселый и розовый приют, где бы можно замечтаться, зачитаться, заиграться и, пожалуй, zalюбитьcя.

Но цветы стояли в тяжелых старинных вазах, точно надгробных урнах, горка массивного старого серебра придавала еще больше античности комнате. Да и тетки не могли видеть беспорядка: чуть цветы раскинутся в вазе прихотливо, входила Анна Васильевна, звонила девушку в чепце и приказывала собрать их в симметрию.

(И. Гончаров)

Вариант 10

Губернский город Бобров ни в чем не отставал от других губернских городов нашей России; по отдаленности своей от обеих столиц он даже сохранил в себе несколько более патриархальной простоты нравов, столь справедливо восхищающей противников всяких нововведений. Все в городе Боброве было основано на чистейшей любви. Каждый почти знал за своим соседом грешки, но никому и в голову не приходило обличать их даже намеком. Все граждане были пропитаны сознанием слабости человеческой природы и той неопровержимой аксиомой, что «ведь свет не пересоздашь, а следовательно, и толковать об этом нечего». Физиономия города Боброва была тоже из самых обыкновенных. В нем, как и повсюду, можно было найти присутственные места, окрашенные охрой, губернский дом с венецианскими окнами и балконом, клуб, где по субботам играли в карты, а по четвергам танцевали; кафедральный собор с протодиаконом, изумлявшим все православие своими легкими; две каланчи, откуда обиженные от природы солдаты пожарной команды видели всегда весьма зорко, где не горело, и, напротив, как-то не замечали, где пожар; заведение, куда взъерошенные и небритые чиновники, со спинами, вечно запачканными в белом, каждое

первое число являлись менять благородный металл на согревающие жидкости. Словом, все было как и следует в благоустроенном городе...

(Н.А. Плещеев)

Вариант 11

Ночь была августовская, звездная, но темная. Оттого, что раньше я никогда в жизни не находился при такой исключительной обстановке, в какую попал случайно теперь, эта звездная ночь казалась мне глухой, неприветливой и темнее, чем она была на самом деле. Я был на линии железной дороги, которая еще только строилась. Высокая, наполовину готовая насыпь, кучи песку, глины и щебня, бараки, ямы, разбросанные кое-где тачки, плоские возвышения над землянками, в которых жили рабочие, – весь этот ералаш, выкрашенный потемками в один цвет, придавал земле какую-то странную, дикую физиономию, напоминавшую о временах хаоса. Во всем, что лежало передо мной, было до того мало порядка, что среди безобразно изрытой, ни на что не похожей земли как-то странно было видеть силуэты людей и стройные телеграфные столбы; те и другие портили ансамбль картины и казались не от мира сего. Было тихо, и только слышалось, как над нашими головами, где-то очень высоко, телеграф гудел свою скучную песню.

Мы взобрались на насыпь и с ее высоты взглянули на землю. В сажнях пятидесяти от нас, там, где ухабы, ямы и кучи сливались всплошную с ночной мглой, мигал тусклый огонек. За ним светился другой огонек, за этим третий, потом, отступя шагов сто, светились рядом два красных глаза – вероятно, окна какого-нибудь барака, и длинный ряд таких огней, становясь все гуще и тусклее, тянулся по линии до самого горизонта, потом полукругом поворачивал влево и исчезал в далекой мгле. Огни были неподвижны. В них, в ночной тишине и в унылой песне телеграфа чувствовалось что-то общее. Казалось, какая-то важная тайна была зарыта под насыпью, и о ней знали только огни, ночь и проволоки...

(А.П. Чехов)

Вариант 12

Было восемь часов утра – время, когда офицеры, чиновники и приезжие обыкновенно после жаркой, душной ночи купались в море и потом шли в павильон пить кофе или чай. Иван Андреевич Лаевский, молодой человек лет двадцати восьми, худощавый блондин, в фуражке министерства финансов и в туфлях, придя купаться, застал на берегу

много знакомых и между ними своего приятеля, военного доктора Самойленко.

С большой стриженной головой, без шеи, красный, носастый, с мохнатыми черными бровями и с седыми бакенами, толстый, обрюзглый, да еще вдобавок с хриплым армейским басом, этот Самойленко на всякого вновь приезжавшего производил неприятное впечатление бурбона и хрипуна, но проходило два-три дня после первого знакомства, и лицо его начинало казаться необыкновенно добрым, милым и даже красивым. Несмотря на свою неуклюжесть и грубоватый тон, это был человек смирный, безгранично добрый, благодушный и обязательный. Со всеми в городе он был на «ты», всем давал деньги в займы, всех лечил, сватал, мирил, устраивал пикники, на которых жарил шашлык и варил очень вкусную уху из кефалей; всегда он за кого-нибудь хлопотал и просил и всегда чему-нибудь радовался. По общему мнению, он был безгрешен, и водились за ним только две слабости: во-первых, он стыдился своей доброты и старался маскировать ее суровым взглядом и напускной грубостью, и, во-вторых, он любил, чтобы фельдшера и солдаты называли его вашим превосходительством, хотя был только статским советником.

(А.П. Чехов)

Вариант 13

Светлый, жаркий полдень. По пыльной раскаленной дороге бредет усталыми старческими шагами богомolec. Его разбитое тело просит отдыха, обожженные солнцем глаза ищут тени, запекшиеся губы жаждут воды. Завидев приветливую тень елочки, он ускоряет шаги. Еще минута – и берестяной ковшик богомольца уже зачерпывает студеную воду ручья. Старик долго и жадно пьет, не отрываясь от ковшика, и потом сладкая дремота на мятой и сочной траве охватывает его обессиленное тело. Чувствует он, засыпая, смолистый аромат тенистых еловых ветвей, и губы его умиленно шепчут: «Вся премудростию сотворил...» А елочка, ласково простирая над спящим свой прохладный шатер, точно заботливая мать, склонившаяся над любимым ребенком, баюкает старика тихим шелестом... Благоуханная, теплая весенняя ночь. Точно заколдованный, замер лес, весь облитый, весь посеребренный сияющим небом. Страстная, торжествующая гремит и рассыпается над лесом соловьиная песнь. И звуки, и аромат, и сиянье, и тени – все слилось в одну общую гармонию весенней любви. Под стройной елочкой прижались друг к другу двое влюбленных. Охваченные красотой этой чудной ночи,

они боятся нарушить словом или даже поцелуем ее очарование. Их мысли, их чувства, каждое биение их переполненных сердец сливаются в одном аккорде с весенней гармонией. Молодая стройная елочка слышит и понимает эту вечно юную, вечно прекрасную гармонию и, задыхаясь от счастья, шепчет: «О, как прекрасна жизнь! Как хороши люди!»

(А.И. Куприн)

Вариант 14

С ночевки поднялись так рано, что еще не совсем было светло, когда отец сел к нам в карету. Он сел с большим трудом, потому что от спавших детей стало теснее. Я видел, будто сквозь сон, как он садился, как тронулась карета с места и шагом проезжала через деревню, и слышал, как лай собак долго провожал нас; потом крепко заснул и проснулся, когда уже мы проехали половину степи, которую нам надобно было перебить поперек и проехать сорок верст, не встретив жилья человеческого. Когда я открыл глаза, все уже давно проснулись, даже моя сестрица сидела на руках у отца, смотрела в отворенное окно и что-то весело лепетала. Мать сказала, что чувствует себя лучше, что она устала лежать и что ей хочется посидеть. Мы остановились, и все вышли из кареты, чтоб переладить в ней ночное устройство на дневное. Степь, то есть безлесная и волнообразная бесконечная равнина, окружала нас со всех сторон; кое-где виднелись деревья и синелось что-то вдаль; отец мой сказал, что там течет Дёма и что это синееется ее гористая сторона, покрытая лесом. Степь не была уже так хороша и свежа, как бывает весной и в самом начале лета, какой описывал ее мне отец и какой я после сам узнал ее. По долочкам трава была скошена и сметена в стога, а по другим местам она выгорела от летнего солнца, засохла и пожелтела, и уже сизый ковыль, еще не совсем распутившийся, еще не побелевший, расстилался как волны по необозримой равнине. Степь была тиха, и ни один птичий голос не оживлял этой тишины; отец толковал мне, что теперь вся степная птица уже не кричит, а прячется с молодыми детьми по низким ложбинкам, где трава выше и гуще. Мы уселись в карете по-прежнему и взяли к себе няню, которая опять стала держать на руках мою сестрицу. Мать весело разговаривала с нами, и я неумолкаемо болтал о вчерашнем дне; она напомнила мне о моих книжках, и я признался, что даже позабыл о них.

(С.Т. Аксаков)

Вариант 15

В жаркое летнее утро, это было в исходе июля, разбудили нас с сестрой ранее обыкновенного; напоили чаем за маленьким нашим столиком; подали карету к крыльцу, и, помолившись богу, мы все пошли садиться. Для матери было так устроено, что она могла лежать, рядом с ней сел отец, а против него нянька с моей сестрицей, я же стоял у каретного окна, придерживаемый отцом и помещаясь везде, где открывалось местечко. Спуск к реке Белой был так крут, что понадобилось подтормозить два колеса. Мы с отцом и няня с сестрицей шли с горы пешком.

Здесь начинается ряд еще не испытанных мною впечатлений. Я не один уже раз переправлялся через Белую, но, по тогдашнему болезненному моему состоянию и почти младенческому возрасту, ничего этого не заметил и не почувствовал; теперь же я был поражен широкой и быстрой рекой, отлогими песчаными ее берегами и зеленой травой на противоположном берегу. Нашу карету и повозку стали грузить на паром, а нам подали большую лодку, на которую мы все должны были перейти по двум доскам, положенным с берега на край лодки; перевозчики в пестрых мордовских рубахах, бредя по колени в воде, повели под руки мою мать и няньку с сестрицей; вдруг один из перевозчиков, рослый и загорелый, схватил меня на руки и понес прямо по воде в лодку, а отец пошел рядом по дощечке, улыбаясь и ободряя меня, потому что я, по своей трусости, от которой еще не освободился, очень испугался такого неожиданного путешествия.

(С. Т. Аксаков)

Вариант 16

За околицей деревеньки виднелся густой смешанный лес. Чтобы попасть в него, нужно было пройти через болотце. Оно небольшое, но коварное своими почти незаметными топями. Когда-то здесь протекала лесная речонка. Со временем она обмелела, заросла камышом, тиной, а затем почти исчезла. А тем временем шло заболачивание, и вот когда-то богатое пышное угодье превратилось в болото. Этому помогли и лесные пожарища. В самом узком месте болотца до сих пор бережно сохраняют остатки дощатого мостика с бревенчатым перильцем с правой стороны. Мосточек соединяет один кусочек твердой земли с другим. Кое-где в болотце еще проглядывают черные зеркала воды. К ним, словно гигантские щупальца, устремляется ярко-зеленая поросль березы и особого мха, называемого «кукушкиным льном». По-видимому, речонка ка-

ким-то образом до сих пор сохраняет совершенно незаметную для окружающих текучесть.

Благополучно перебравшись поближе к лесу, мы с благодарностью повернулись лицом в ту сторону, откуда вдруг дунул приятный легонький ветерок. Здесь, на опушке леса, как-то особенно звонко стрекочет кузнечик, перебираясь меж травинок, соломинок, взбираясь то на цветочек, то на листочек. Смешались запахи близлежащих пашен, рощ, лесной хвои и приболотного травяного растения сабельника. Они словно одурманили нас, и мы в забытьи просидели более часа на земляной насыпи, которая чем-то напоминала завалинку деревенского домика. Наконец мы решили обследовать лес. Он был явно нестарый, но уже густой, с подлеском. Наше внимание привлек необычный значок на одной из сосен: он напоминал изображение стрелы, направленной вниз кончиком. Внизу, где положено быть наконечнику, был подвешен стаканчик, похожий на железный кулечек. В нем находилась белая масса наподобие топленого масла. Что это? На наше счастье мимо проходил лесной объездчик. Он рассказал нам, что эти знаки-отметинки делают люди особой профессии. Они занимаются добычей особого сока, который выделяют хвойные деревья, если им нанести рану. Сок этот называют живицей (им дерево как бы залепляет и тем самым заживляет нанесенные раны). По сделанной стреле сок стекает в железный колпачок – приемник живицы. Добыча ее – очень важная отрасль лесного хозяйства.

(По Д.Э. Розенталю)

Вариант 17

Волхонка действительно была видна отсюда как на ладони. Каменные флигеля надворных построек, высокая английская мельница, длинные конюшни и сараи - все это привольно раскинулось в долине и весело блистало красными и зелеными своими кровлями. Около усадьбы синело озеро и толпился громадный сад, переполненный хлопотливым грачиным шумом. В саду возвышался барский дом, неуклюжий, как черепаха.

Ниже озеро замыкалось длиннейшей плотиной, и двухъярусная мельница сквозила через голые ветлы, наполняя окрестность внушительным грохотом. За мельницей раскинулось село, с улицей, черной, как траурная лента, и, вероятно, очень вязкой, потому что лошаденка с бочкой стояла среди нее в безнадежной неподвижности. В конце села белелась большая одноглавая церковь, протянувшая сквозную ограду свою к самому озеру. А за озером вставали холмы однообразными очер-

таниями, тянулись бурые поля, изнизанные лужами, сверкающими на солнце, краснели таловые кусты, круглые, как шапки, и насквозь пронизанные какой-то крепкой свежестью, а там, за кустами, синела и уходила без конца загадочная даль.

И чем больше смотрел на окрестность Илья Петрович, тем жутче и тревожней замирало его сердце. Все его существо напряглось широкими ожиданиями. Какое-то восторженное чувство непрерывными и дружными волнами подмывало его, перехватывало ему дыхание... Синяя даль дразнила загадочным своим трепетаньем. Песни жаворонков, тонким серебром стоявшие в высоте, и веселый птичий гам в долине, казалось, в нем самом будили какие-то звуки, добрые и крепкие, и наполняли всю его душу трезвой и ненасытной жаждой жизни.

(А.И. Эртель)

Вариант 18

Тогда Варя распахнула окно. Шумный птичий гам вместе со свежей и пахучей струей воздуха стремительно ворвался в комнату... Варя отшатнулась с легким криком, но затем тотчас же жадно вздохнула и приникла к окну. Какая-то радостная тревога охватила ее. Сердце билось порывисто и сладко... Вся она как будто застыла и замерла в чуткой неподвижности. Она ни о чем не думала, она только отдавалась наплыву каких-то грез, легких и таинственных, как видения, да слушала, да смотрела, смотрела неотступно.

А смотреть было на что. Солнце садилось, и за голыми деревьями сада жарко догорала заря. Иногда над этими деревьями взлетали грачи, и кружились небольшими стадами, и черными пятнами пестрили небо. Широкое озеро важно покоилось среди островов и неподвижных камышей, ясно отражая в своей пламенеющей поверхности и эти острова, и купы камыша, залитого розовым светом зари, и холмистые очертания того берега. В высоком небе красиво рдели золотые полосы. Дали раздвинулись, и необозримая линия западного горизонта незаметно утопала в горячем блеске заката. В прозрачном воздухе, чутком и неподвижном, неустанно раздавались звуки. Нестройное карканье грачей и запоздалый писк копчика, ретивое ржание лошади и непрерывный грохот снастей на водяной мельнице – все сливалось в одном бодром и хлопотливом концерте.

– Скоро ли, барышня, одеваться будете? – в некотором нетерпении спросила Надежда, и Варя очнулась. Украдкой провела она ладонью по глазам (они были влажны и туманны), медленно и глубоко

вздохнула, как бы упиваясь острым и прохладным воздухом, и в тихой задумчивости затворила окно.

(А.И. Эртель)

Вариант 19

Разошлись рано. Прежде всех раскис граф: после пения его снова стало поводить, как в ознобе, и тусклые тени забродили по его лицу. Он начал было какую-то фантазию дикими и торопливыми аккордами, постепенно переходившими в тоскливое и задумчивое *adagio*, но оборвал эту фантазию резким диссонансом и протился. За ним последовали и другие.

Но Варе не хотелось спать. Она завернулась в плед и тихо сошла в сад. В ее ушах все еще стояла музыка. Какие-то неясные грезы вились в ее головке, и ночной воздух веял на нее жуткими и таинственными струями. В саду загадочная темнота обступила ее. В этой темноте смутными очертаниями возвышались деревья, блистало черное озеро в мрачной неподвижности, выдвигался угрюмый фасад дома, длинный и несоответственный, тускло и трепетно мерцали звезды... И повсюду бродили тени, переплетаясь в причудливом колебании. Иногда как будто какая рука прикасалась к глазам Вари: тьма сгущалась, ближний куст сирени выдавал себя только слабым, едва уловимым шорохом да особенным запахом холодной влажности; очертания высоких берез сливались с небом; озеро облекалось мраком... И тогда особенно жутко становилось Варе, и сердце ее стучало сильно и пугливо. Иногда же тени раздвигались медлительно и странно, мрак редел, вода далеко уходила в глубь ночи, березы подымались ясными контурами, и купы сирени резко обозначались на синей темноте.

(А.И. Эртель)

Вариант 20

Снег окружил нас в одно мгновение, мягкий, неслышный, обильный снег зимы, предчувствующей свой конец и потому как-то особо прощально красивой. В последние годы я с грустью ловлю не только исчезновение лета, но и уход зимы. Странно, никогда не был я лыжником, не ездил на модные горные курорты ни в Терскол, ни в Бакуриани, чего там, забыл, когда на коньки-то становился в последний раз, и все же поздние щедрые снегопады оставляют в душе ощущение несбывшихся надежд и неиспользованных возможностей.

Мы поднимались вверх по переулку мимо домов, знакомых мне, как может быть знакомо собственное тело, и опять-таки странное дело: я впервые глядел на них глазами архитектора, отмечая с удивлением, что не так уж они безыскусны в первоначальной своей идее, что явственны в их нынешнем облике приметы русского стильного модерна. Оказывается, стоит лишь выйти за пределы точно очерченной сферы жизни и взглянуть на нее со стороны, как она сразу же обретает законченные черты внешнего конкретного образа, ранее изнутри незаметного. Даже если уедешь невесть куда, за тридевять земель, даже если однажды от этих домов не останется и следа – от всей этой лепнины, овальных окон, рисунка под дикий северный камень, если однажды этот квартал, как и многие другие, сруют с лица земли, разнесут к чертям собачьим, из высших, разумеется, архитектурно-планировочных соображений, все равно он будет жить во мне со всеми своими флигелями, с бывшими каретными сараями во дворах, с истертыми ступенями своих подъездов.

(А. Макаров)

Вариант 21

И вот я вхожу в указанную мне комнату. Я вхожу в мир, не соизмеримый со всей окружающей меня жизнью, с коробками современных зданий, с кооперативными квартирами моих друзей, где висят таллинские эстампы и стоят польские подсвечники, с очередями в мебельных магазинах и карманными форматами теперешних романов и поэтических сборников. Здесь другой век и другая эпоха, они не прошли, а осели в этих густых и мягких коврах, в старинном рояле, в колоннах-подставках по углам, на которых висятся фарфоровые вазы, в гнутых ножках стульев, обитых синим бархатом, в часах с тяжелыми стрелками, похожими на рапиры. И не музей был передо мной. Не было здесь музейной почтительной и скучной ветхости. Этот быт был естественен и полнокровен, он продолжал свою жизнь, словно Кремль посреди новостроек. На стенах висели картины, и я, дилетант, любитель, сразу же почувствовал, что передо мной подлинники больших мастеров, до этого слова «частное собрание» были для меня почти абстрактными, профессионально-музейными понятиями. В галереях я всегда сдерживаю себя, чтобы не броситься сразу же к самой заметной в зале картине, по школьной привычке полагая, что надо честно и справедливо посмотреть все и потом уже получать личное удовольствие. Но тут я мгновенно заметил главное полотно и забыл все остальное.

(А. Макаров)

Вариант 22

Дни стояли солнечные, жаркие. И по пути в усадьбу я шел то в тени, то по солнцу, по песчаной дороге, среди душно и сладко благоухающей хвои, потом вдоль реки, по прибрежным зарослям, выпугивая зимородков и глядя то на открытые затоны, сплошь покрытые белыми кувшинками и усеянные стрекозами, то на тенистые стремнины, где вода прозрачна, как слеза, хотя и казалась черной, и мелькали серебром мелкие рыбки, пучили глаза какие-то зеленые тупые морды... А затем я переходил старинный каменный мост и подымался к усадьбе.

Она осталась, по счастливой случайности, не тронутой, не разграбленной, в ней есть все, что обыкновенно бывало в подобных усадьбах. Есть церковь, построенная знаменитым итальянцем, есть несколько чудесных прудов; есть озеро, называемое Лебединым, а на озере остров с павильоном, где не однажды бывали пиры в честь Екатерины, посещавшей усадьбу. Дальше же стоят мрачные ущелья елей и сосен, таких огромных, что шапка ломится при взгляде на их верхушки, отягощенные гнездами коршунов и каких-то больших черных птиц с траурным веером на головках. Дом, или, вернее, дворец, строен тем же итальянцем, который строил церковь. И вот я входил в огромные каменные ворота, на которых лежат два презрительно-дремотных льва и уже густо растет что-то дикое, настоящая трава забвения, и чаще всего направлялся прямо во дворец, в вестибюле которого весь день сидел в старинном атласном кресле, с короткой винтовкой на коленях, однорукий китаец, так как дворец есть, видите ли, теперь музей, «народное достояние», и должен быть под стражей. Ни единая не китайская душа, конечно, ни за что бы не выдержала этого идиотского сиденья в совершенно пустом доме, в нем, в этом сиденье, было даже что-то жуткое. Но однорукий, коротконогий болван с желто-деревянным ликом сидел спокойно, курил махорку, равнодушно ныл порою что-то бабье, жалостное и равнодушно смотрел, как я проходил мимо.

(И. Бунин)

Вариант 23

В струящейся тьме выступали с тихим вращеньем колонны, омытые все тем же нежным, белесым светом велосипедного фонарика, и там на шестиколонном крытом перроне чужой заколоченной усадьбы его встречал душистый холодок, смешанный запах духов и промокшего шевиота. И этот осенний, этот дождевой поцелуй был так долог и так глубок, что

потом плыли в глазах большие, светлые, дрожащие пятна, и еще сильнее казался развесистый, многолиственный, шелестящий шум дождя. Мокрыми пальцами он открывал стеклянную дверцу фонарика, тушил огонек. Ветер напирал из тьмы тяжело и влажно, Машенька, сидя рядом на облупившейся балюстраде, гладила виски холодной ладошкой, и в темноте он различал смутный угол ее промокшего банта и улыбающийся блеск глаз.

Дождевая сила в липах перед перроном, в черной, клубящейся тьме, прокатывала широким порывом, и скрипели стволы, схваченные железными скрепами для поддержания их дряхлой мощи. И под шум осенней ночи он расстегивал ей кофточку, целовал ее в горячую ключицу: она молчала, – только чуть блестели глаза, – и кожа на ее открытой груди медленно остывала от прикосновений его губ и сырого ночного ветра. Они говорили мало, говорить было слишком темно. Когда он, наконец, зажигал спичку, чтобы посмотреть на часы, Машенька шурилась, откидывала со щеки мокрую прядь. Он обнимал ее одной рукой, другой катил, толкая за седло, велосипед, – и в морозящей тьме они тихо шли прочь, спускались по тропе к мосту и там прощались – длительно, горестно, словно перед долгой разлукой.

(В. Набоков)

Вариант 24

Выражается сильно российский народ, и если наградит кого словом, то пойдет оно ему и в род, и в потомство, утащит он его с собой и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света.

И как уже потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица.

Произнесенное метко, все равно что писанное, не вырубливается топором. А уж куда бывает метко все то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а все самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а вlepливает сразу, как паспорт на вечную носку, и нечего уж прибавлять потом, какой у тебя нос или губы: одной черт обрисован ты с ног до головы.

Всякий народ, носящий в себе залог силы, полный творящих способностей души, своей яркой особенностью, своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть

предмет, отражает в выражении его часть собственного своего характера.

Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца, легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза, затейливо придумает свое, не всякому доступное, умно-худощавое слово немец, но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и живо трепетало, как метко сказанное русское слово.

(Н. Гоголь)

Вариант 25

Метель становилась сильнее и сильнее, и сверху снег шел, сухой и мелкий; казалось, начинало подмораживать; нос и щеки сильно зябли, чаще пробегала под шубу струйка холодного воздуха, и надо было захватываться.

Изредка сани постукивали по голому, обледенелому черепку, с которого снег сметало, или поскрипывали полозьями по жесткому снегу.

Так как я, не ночуя, ехал шестую сотню верст, несмотря на то, что меня очень интересовал исход нашего путешествия, я невольно закрывал глаза и задремывал. Раз, когда я открыл глаза, меня поразило, как мне показалось в первую минуту, яркий свет, освещавший белую равнину; горизонт значительно расширился, черное, низкое небо вдруг исчезло, со всех сторон видны были белые косые линии падающего снега; фигуры передовых троек виднелись яснее, и, когда я смотрел вверх, мне показалось, что тучи разошлись и что только падающий снег застилает небо.

В то время как я вздремнул, взошла луна и бросала сквозь неплотные тучи и падающий снег свой холодный и яркий свет. Однако то, что я видел ясно, были мои сани, лошади, ямщик и три тройки, ехавшие впереди: первая - курьерская, в которой все так же на облучке сидел ямщик и гнал крупной рысью; вторая, в которой, бросив вожжи и сделав себе из армяка затишку, сидели двое и, не переставая, курили трубочку, что видно было по искрам, блестящим оттуда; и третья, в которой никого не видно было и, предположительно, ямщик спал в середине.

Вскоре подул с юго-запада небольшой ветерок, пронзительный и влажный, предвещавший буран, который в степи представляет собой страшное бедствие для путника.

(Л. Толстой)

Вариант 26

Одной из целей поездки Анны в Россию было свидание с сыном. Она уже два дня жила в Петербурге, и мысль о сыне ни на минуту не покидала ее.

Она поехала в игрушечную лавку, купила игрушек и обдумала план действия. Она придет рано утром, будет иметь в руках деньги, которые даст швейцару, с тем чтобы он пустил ее, и, не поднимая вуаля, скажет, что она от крестного отца Сережи приехала поздравить и что ей поручено поставить игрушки у кровати сына.

На другой день, в восемь часов утра, Анна вышла из извозничьей кареты и позвонила у большого подъезда своего бывшего дома. Помощник швейцара, незнакомый Анне человек, только что отворил ей дверь, как она уже вошла в нее и, вынув из муфты трехрублевую бумажку, поспешно всунула ему в руку. Анна никак не ожидала, чтобы та, совершенно не изменившаяся обстановка того дома, где она жила девять лет, так сильно подействовала на нее. Воспоминания, радостные и мучительные, поднялись в ее душе, и она на мгновение забыла, зачем она здесь.

Сняв шубу, Капитоныч взглянул ей в лицо, узнал ее и молча низко поклонился. Она хотела что-то сказать, но голос отказался произнести какие-нибудь звуки; с виноватой мольбой взглянув на старика, она быстрыми легкими шагами пошла по лестнице, не понимая того, что говорил старик. Она вошла в высокую дверь. Направо от двери стояла кровать, и на кровати сидел, поднявшись, мальчик в одной расстегнутой рубашке и, перегнувшись тельцем, потягиваясь, доканчивал зевок.

- Сережа, мальчик мой милый! - проговорила она, задыхаясь и обнимая руками его пухлое тело.

- Мама! - проговорил он, двигаясь перед ее руками, чтобы разными местами тела касаться ее рук. Сонно улыбаясь, с закрытыми глазами, он перехватился пухлыми ручонками от спинки кровати за ее плечи, привалился к ней, обдавая ее тем милым сонным запахом и теплотой, которые бывают только у детей, и стал тереться лицом об ее шею и плечи. Открывая глаза, он произнес: «Нынче мое рождение, и я знал, что ты придешь!»

(Л. Толстой)

Вариант 27

Привалов покорно последовал за хозяином, который своими бойкими маленькими ножками вывел его сначала на площадку лестницы, а

отсюда провел в парадный громадный зал, устроенный в два света. Восемь массивных колонн из серого мрамора с бронзовыми базами и капителями поддерживали большие хоры, где могло поместиться человек пятьдесят музыкантов. Потолок, поднятый в интересах резонанса продолговатым овалом, был покрыт полинявшими амурами и широкими гирляндами самых пестрых цветов. Старинная бронзовая люстра спускалась с потолка массивным серым коконом. Стены, выкрашенные по трафарету, растрескались, и в нескольких местах от самого потолка шли ржавые полосы, которые оставляла просачивавшаяся сквозь потолок вода. Позолота на капителях и базах, на карнизах и арабесках частью поблекла, частью совсем слиняла; паркетный пол во многих местах покорило от сырости, точно он вспух; громадные окна скупно пропускали свет из-за своих потемневших штофных драпировок. Затхлый, гниющий воздух, кажется, составлял неотъемлемую принадлежность этого медленно разлагающегося великолепия.

– Этот зал стоит совершенно пустой, – объяснял Ляховский, – да и что с ним делать в уездном городишке. Но сохранять его в настоящем виде – это очень и очень дорого стоит. Я могу вам представить несколько цифр. Не желаете? В другой раз когда-нибудь.

(Д. Мамин -Сибиряк)

Вариант 28

Солнышко уже давно заглядывает в нашу детскую. Мы, дети, один за другим начинаем открывать глазки, но мы не торопимся вставать и одеваться. Между моментом просыпания и моментом приступления к нашему туалету лежит еще длинный промежуток возни, кидания друг в дружку подушками, хватания друг дружки за голые ноги, лепетание всякого вздора.

В комнате распространяется аппетитный запах кофе; няня, сама еще полуодетая, сменив только ночной чепец на шелковую косынку, неизбежно прикрывающую ей волосы в течение дня, вносит поднос с большим медным кофейником и еще в постельке, неумытых и нечесанных, начинает угощать нас кофе со сливками и сдобными булочками.

Откушав, случается иногда, что мы, утомленные предварительной возней, опять засыпаем...

Вытрет няня нам лицо и руки мокрым полотенцем, проведет раза два гребешком по нашей растрепанной гриве, наденет на нас платьице, в котором нередко не хватает нескольких пуговиц, – вот мы и готовы!

Сестра отправляется на урок к гувернантке, мы же с братом остаемся в детской. Не стесняясь нашим присутствием, няня подметает пол щеткой, подняв целое облако пыли; прикроет наши детские кровати одеяльцами, встряхнет свои собственные пуховики, и затем детская считается прибранной на весь день. Мы с братом сидим на клеенчатом диване, с которого местами содрана клеенка и большими пучками вылезает конский волос, и играем нашими игрушками. Гулять нас водят редко, только в случае исключительно хорошей погоды, да еще в большие праздники, когда няня отправляется с нами в церковь.

(С. Ковалевская)

Вариант 29

На половине Марьи Степановны была устроена моленная. Это была длинная комната, совсем без окон; человек, незнакомый с расположением моленной, мог десять раз обойти весь дом и не найти ее. Ход в моленную был проведен из темного чуланчика, который был устроен рядом со спальней Марьи Степановны; задняя стенка этого чуланчика составляла дверь в моленную и для окончательной иллюзии была завешана какими-то старыми шубами. Привалов, не застав Марью Степановну в гостиной, прошел однажды прямо в моленную. Она была там и сама читала за раздвижным аналоем канон Богородице; в уголке ютились какие-то старухи в темных платках, повязанных по-раскольничьи, то есть по спине были распущены два конца, как это делают татарки. Седой сгорбленный старик в длиннополом кафтане стоял у правой стены и степенно откладывал поклоны, припадая своей головой к потертому шелковому подрушнику. Привалова сразу охватила с детства знакомая атмосфера: пахло росным ладаном, воском и деревянным маслом. Вся передняя стена моленной была занята иконостасом, в котором, под дорогими окладами из серебра и золота, темнели образа самого старинного письма. Тут были собраны иконы работы фряжской, старого строгановского письма и произведения кормовых царских изографов. Все эти богатства достались моленной Марьи Степановны как наследство после смерти матери Привалова из разоренной моленной в приваловском доме. Слабо теплившиеся неугасимые лампы бросали колеблющийся свет кругом, выхватывая из окружающей темноты глубокую резьбу обронных риз, хитрые потемневшие узоры басменного дела, под низи из жемчуга и цветных камней, золотые подвески и ожерелья. Под некоторыми иконами висели богатые пелены с золотыми крестами и до-

рогим шитьем по углам; на маленьком столике, около самого аналоя, дымилась серебряная кацея.

(Д. Мамин-Сибиряк)

Вариант 30

Приваловский дом стоял на противоположном конце той же Нагорной улицы, на которой был и дом Бахарева. Он занимал собой вершину горы и представлялся издали чем-то вроде старинного кремля. Несколько громадных белых зданий с колоннами, бельведерами, балконами и какими-то странной формы куполами выходили главным фасадом на небольшую площадь, а великолепными воротами, в форме триумфальной арки, на Нагорную улицу. Непосредственно за главным зданием, спускаясь по Нагорной улице, тянулся целый ряд каменных пристроек, тоже украшенных колоннами, лепными карнизами и арабесками. Сквозные железные ворота открывали вид на широкий двор, со всех сторон окруженный каменными службами, конюшнями, великолепной оранжереей. Это был целый замок в помещичьем вкусе; позади зеленея старинный сад, занимавший своими аллеями весь спуск горы. Привалова поразила та же печальная картина запустения и разрушения, какая постигла хоромы Полуяновых, Колпаковых и Размахниных. Дом представлял из себя великолепную развалину: карнизы обвалились, крыша проржавела и отстала во многих местах от стропил целыми полосами; массивные колонны давно облупились и сквозь отставшую штукатурку выглядывали обсыпавшиеся кирпичи: половина дома стояла незанятой и печально смотрела своими почерневшими окнами без рам и стекол. Видно было, что крыша в некоторых местах была покрыта свежей краской и стены недавно выбелены. Единственным живым местом во всем доме была та половина, которую занимал Ляховский, да еще большой флигель, где помещалась контора; оранжерея и службы были давно обращены в склады водки и спирта. У Привалова сердце сжалось при виде этой развалины: ему опять страшно захотелось обратно в свои три комнатки, чтобы не видеть этой картины разрушения.

(Д. Мамин-Сибиряк)

Комментарии к заданиям

1. Многозначность, или полисемия, – это семантическое свойство слова иметь одновременно несколько значений. «Нижним пределом» многозначности является однозначность (моносемия), которая характеризуется наличием у слова только одного значения: береза, грустить, диссертация, перила, пруд и мн.др.

Метафорой называется перенос именованного одного предмета на другой на основании сходства их внешних или внутренних признаков, формы предметов, их расположения и др.: *поле деятельности, безмолвная улица, бойкий спор*. Разграничивают два основных типа метафоры – когнитивную (познавательную) и образную. Когнитивная метафора является отражением реальной или приписываемой общности у соответствующих предметов. Образной называется метафора, создающая зрительное впечатление об обозначаемом и имеющая экспрессивно-оценочное значение. Частным случаем образной метафоры является эмоциональная метафора. Для ее возникновения достаточно лишь субъективно-эмоционального сходства явлений. Существует также стертая метафора, которая утратила семантические мотивированные связи значений. В словарях русского языка метафоричность значения обычно обозначается пометой *перен.*, однако в некоторых случаях даже не стертая метафора не имеет указанной пометы.

Метонимия – перенос именованного одного предмета, признака, процесса и т.д. на другой по их смежности (сопредельности): *фарфор* «посуда, различные изделия»; *аудитория* «слушатели». Основой метонимии служат причинные, следственные, пространственные, временные и др. отношения, возникающие вследствие сопредельности явлений. К разновидностям метонимии относятся соотношения: 1) материал – изделие, 2) действие – цель действия, 3) процесс – результат, 4) действие – место, 5) признак – вещь, 6) причина – следствие, 7) смежность во времени, 8) смежность в пространстве, 9) вместилище – содержимое. В словарях метонимический перенос не имеет специальных помет.

Синекдохой называют перенос значения слова, посредством которого целое (нечто большее) выявляется через свою часть (нечто меньшее). Выделяются две разновидности синекдохи: 1) расширение значения и 2) сужение значения.

Функциональный перенос значения возникает на основе сходства функций предметов. Синекдоха и функциональный перенос также основаны на семных взаимодействиях лексико-семантических вариантов.

Эти типы семантических взаимодействий не имеют лексикографических помет.

Традиционные виды переносных значений слова (метафора, метонимия, синекдоха, функциональный перенос значения) связаны с диахронией семантической структуры и относятся к фигурам речи (тропам).

2. Синонимы – это языковые средства выражения одного и того же содержания или близких смыслов, уточнения отдельных сторон обозначаемого и его оценки.

Типы синонимов выделяются по двум основаниям. В зависимости от количества позиций, в которых синонимы могут замещать друг друга (т.е. во всех или в части), и соответственно степени совпадения их значений выделяются полная (абсолютная) синонимия и частичная синонимия, в зависимости от их функций – семантическая (идеографическая) и стилистическая синонимия. Полные (абсолютные) синонимы совпадают по своим значениям и характерной сочетаемости: *языкознание – лингвистика, рынок – базар*. Семантические, или идеографические, синонимы, выражая существенно общее, вместе с тем отличаются определенными элементами своих значений, нередко отчетливо осознаваемыми внутренними формами, оттеняя, например, различные стороны обозначаемого: *талантливый – гениальный, весёлый – радостный*. Стилистические синонимы выражают ту или иную эмоционально-экспрессивную оценку обозначаемого: *лицо – лик* (высок.), *рожа* (прост.), *выгнать – изгнать* (книжн.), *вытурить* (прост.). Семантико-стилистические синонимы отличаются друг от друга как по своему значению, так и по эмоционально-экспрессивной окраске: *течь – хлестать* (разг.) – *течь*, *литься сильно, с шумом*; *редкий – жидкий* (разг.) – *очень редкий* (*жидкий лес, жидкая борода*).

3. Антонимы – слова, имеющие противоположные значения. Основной антонимии является наличие в значении слова качественного признака, который может возрасти или убывать и доходить до противоположного. Наиболее богаты антонимами имена прилагательные, выражающие 1) понятия качества (*хороший – плохой*), 2) различных ощущений (*твердый – мягкий, горячий – холодный*), 3) объема, протяженности, размера (*толстый – тонкий, большой – маленький, просторный – тесный*), 4) веса (*тяжелый – легкий*), 5) цвета (*белый – черный, светлый – темный*), 6) психологических оценок (*добрый – злой, веселый – печальный*), 7) времени (*ранний – поздний*), 8) пространства (*близкий – далекий*), 9) возраста (*молодой – старый*) и т.д.

4. Омонимами называются слова, имеющие одинаковое звучание и графическое изображение на письме, но совершенно различные лекси-

ческие значения: *край* (пропасти) – (отчий) *край*. Омонимы, имеющие полное звуковое и графическое совпадение своих форм, называются полными лексическими омонимами, а омонимы с частичным совпадением форм – неполными лексическими омонимами.

Морфологические омонимы, или омоформы, возникают в результате звукового совпадения форм различных слов, обладающих разными лексическими и грамматическими значениями. Среди омоформ выделяются две разновидности: 1) омоформы, образуемые словами одной и той же части речи (*банка* – именительный падеж существительного женского рода и *банка* – родительный падеж существительного мужского рода *банк*); 2) омоформы, образуемые совпадающими в произношении формами разных частей речи (*залив* – именительный падеж существительного мужского рода и *залив* – деепричастие от глагола *залить*).

Фонетические омонимы, или омофоны, представляют собой слова и формы слов с различными значениями, имеющие одинаковое звучание, но различное буквенное обозначение на письме: *кампания* – *компания*, *костный* – *косный*, *плот* – *плод*.

Графические омонимы, или омографы, – это слова и формы слов с различными значениями, отличающиеся друг от друга по звучанию только местом ударения: *стрёлки* – *стрелки́*, *му́ка* – *мука́*, *замо́к* – *замок*.

5. Исконно русская лексика включает несколько исторических пластов: 1) общеславянский, 2) восточнославянский, т.е. древнерусский и 3) собственно русский.

Исконно русские слова образуют основную часть словарного богатства русского языка, определяют его самобытность и глубокое национальное своеобразие. Под исконно русским словом понимается всякое слово, возникшее в русском языке или унаследованное им из более древнего языка-источника, независимо от того, из каких этимологических частей (исконных или заимствованных) оно состоит.

Выделяется несколько групп исконно русских слов: индоевропейские, общевосточнославянские (древнерусские) и собственно русские. Индоевропейские слова (индоевропеизмы) – это слова, возникшие еще в эпоху существования индоевропейского языка (III–II в.в. до н.э.) и унаследованные славянами после распада индоевропейской этнической общности. Индоевропеизмами являются слова с аналогичной или сходной семантикой и звуковым составом, встречающиеся не только в славянских, но и в западноевропейских и индийских языках: рус. *мать*, болг. *мати*, *матар*, др.-польск. *mac*, польск. *matka*; др.-инд. *mata*, греч.

mater, нем. *Mutter*, англ. *mother*. Для многих индоевропейских языков общими (или очень сходными) являются некоторые а) термины родства: *мать, брат, дочь, сын*; б) названия животных, растений, продуктов питания: *овца, бык, волк, верба, мясо*; в) действия: *брать, везти, велеть*; г) качества: *босой, ветхий* и т.д.

Общеславянские (праславянские) слова – это слова, относящиеся к периоду общеславянского единства. Они были унаследованы древнерусским языком из языка славянских племен, занимавшим к началу нашей эры обширную территорию между Припятью и Карпатами, Вислой и Днестром. В качестве единого средства общения праславянский язык использовался приблизительно до VI-VII вв. н.э., т.е. до того времени, когда в связи с расселением славян распалась и относительная языковая общность. В русском языке, как и в языках этих групп, выделяются следующие слова, появившиеся в общеславянский период: а) связанные с растительным миром: *дуб, липа, ель*; б) с трудовыми процессами и орудиями: *ткать, ковать, сечь, мотыга*; в) с жилищем и его частями: *пол, кров*; г) с названиями птиц: *соловей, скворец, ворона*; д) с продуктами питания: *кисель, квас, сыр*; е) с названиями действий и качеств: *бродить, знать, делить, бледный, веселый, злой* и т.д.

Восточнославянскими, или древнерусскими, называются слова, которые, начиная с VI-VIII вв., возникали уже только в языке восточных славян – предков современных украинцев, белорусов и русских, объединившихся в IX веке в большое феодальное древнерусское государство – Киевскую Русь. Среди слов, известных только в восточнославянских языках, могут быть выделены: а) названия различных свойств, качеств, действий: *белокурый, бойкий, бурый; барахтаться, бродить, ерзать, колыхать*; б) термины родства: *дядя, падчерица, племянник*; в) бытовые названия: *багор, бечевка, веревка, самовар*; г) названия птиц, животных: *галка, яблик, коршун, гадюка, кошка*; д) числительные: *сорок, девяносто*.

Собственно русскими являются слова, возникшие в русском языке после выделения его из древнерусского, т.е. после XIV-XV вв. Это лексемы, не имеющие параллелей в других восточнославянских языках (кроме заимствований из русского в белорусский или украинский): рус. *вьюга*, бел. *завіруха*, укр. *завія*; рус. *деревня*, бел. *веска*, укр. *село*.

б. Для русского языка источниками заимствования послужили славянские (старославянский, польский, чешский и др.) и неславянские языки (западноевропейские – греческий, латинский, французский, немецкий, итальянский, английский и др.; скандинавские, финские, тюркские и др.).

Старославянские слова имеют свои приметы: а) фонетические: 1) неполногласные сочетания *ра, ла, ре ле* между согласными в корнях, соотносительные с русскими полногласными сочетаниями *оро, оло, ере, еле* (*врата, брань, глас, младенец, среда, плен, пленить* – ср. рус. *ворота, оборона, голос, молодой, середина, полонить*); 2) начальные сочетания *ра, ла* на месте рус. *ро, ло* (*равный, ладья* – ср. рус. *ровный, лодка*); 3) звук *щ* (чередующийся обычно с *т*) на месте с рус. *ч* (*освещение – осветить, возвращение – возвратить, мощь* – ср. рус. *свеча, свечу, ворочу, мочь*); 4) начальный звук *е* на месте рус. *о* (*единый, единица* – ср. рус. *один*); 5) звук *е* под ударением перед твердыми согласными на месте рус. *е* (*крест, перст, небо* – ср. рус. *перекресток, наперсток, небо*); 6) сочетание *жд* в корне на месте рус. *д* (*вожде, вождь, рождать, чуждый* – ср. рус. *водить, родить, чужой*); б) словообразовательные: префиксы *пре-, пред-, чрез-, воз-* (*прекрасный, презирать, престол, предыдущий, чрезмерный, возгласить*) – ср. рус. *пере-, перед-, через-, вз-, из-, низ-, со-* (*излить, низложить, низвести, сочувствие*) и др.

Часть заимствованных слов сохраняет черты, характерные для того или иного языка. Например, для тюркизмов характерен сингармонизм: если в первом слоге слова гласный переднего ряда, то и во всех остальных слогах тоже употребляются гласные переднего ряда; если в первом слоге гласный заднего ряда, то и во всех остальных употребляются гласные заднего ряда (ср. *аркан, кумыс, кисея* и т.п.). Приметами заимствований из французского языка являются: конечные ударные гласные в неизменяемых существительных (*кашне, купе, пальто, шасси*); сочетания *уэ, уа* в середине слова (*вуаль, силуэт*); конечное *-ёр* (*суфлёр, шофёр*, но: *ухажёр* – исконно русское слово); конечное *-ж* (*массаж, гараж*). Сочетания *шт, хт* встречаются обычно в заимствованиях из немецкого языка (*штаб, пахнет, вахта*), дж обычно свидетельствует об английском происхождении слова (*джаз, бюджет*). Приметами латинизмов являются конечные *-ум, -ус, -ура, -ция, -ент* и др.: *пленум, градус, диктатура, ассистент* и т.п.

7. Устаревшими называются слова, которые вышли из активного употребления, но сохранились в пассивной лексике. По причинам архаизации устаревшие слова делятся на 2 группы: историзмы и архаизмы. К историзмам относятся слова, вышедшие из употребления в связи с тем, что ушли из жизни обозначаемые ими предметы или явления: *латы, армяк, кафтан, лапти, камзол; гетман, помещик, урядник, стольник, подъячий, крепостной, опричник; кольчуга, пицаль, редут, доспехи, бамбардир* и т.п. В современном русском языке

историзмы не имеют синонимов. Архаизмы – это устаревшие названия современных предметов, явлений, вытесненные синонимами из состава активной лексики. В отличие от историзмов архаизмы обычно имеют синонимы в системе современного русского языка (*сей – этот, гонитель – преследователь, уста – губы, шелом – шлем, туга – печаль, тоска*). В лексике русского языка различаются следующие типы архаизмов: 1) фонетические: *воксал – вокзал, пиит – поэт, нумер – номер*; 2) акцентологические: *эпиграф – эпигра́ф, символ – симво́л*; 3) морфологические: *рояль* (ж.р. вместо совр. м.р.) – *И на покорную рояль властительно ложились руки* (Блок), *лебедь* (ж.р. вместо совр. м.р.) – *Лебедь белая плывет* (Пушкин); 4) словообразовательные: *нервический – нервный, рыба́рь – рыба́к*; 5) собственно лексические: *десница* – правая рука, *всуе* – напрасно, *тать* – разбойник, вор; 6) семантические: *наблюдать* в значении «соблюдать».

Устаревшие слова могут вернуться в активный словарь, приобретая при этом различные стилистические оттенки (*веление, возлежать, отрок* и т.п.).

Функции историзмов и архаизмов в современном русском языке различны. Историзмы не имеют параллелей в современном языке, и поэтому к ним обращаются тогда, когда необходимо назвать предметы и явления прошлого. В настоящее время историзмы активно используются прежде всего 1) в научных текстах по истории, 2) в исторических художественных произведениях: «Петр Первый» А. Толстого, «Борис Годунов» А.С. Пушкина и др.

Архаизмы используются как яркое стилистическое средство в следующих целях: 1) для создания колорита эпохи, для стилизации старинной речи, 2) как средство придания речи высокого, торжественного звучания, 3) как средство создания сатиры и юмора.

8. Стилистически нейтральная лексика употребляется во всех стилях языка, в любом коммуникативном акте. Она составляет ядро словарного состава языка, является общеупотребительной и понятной, не имеет коннотативной (эмоционально-экспрессивной) окраски. Стилистически нейтральная лексика служит обозначением жизненно важных явлений реального мира (предметов, качеств, действий, состояний и пр.). В ней представлены практически все части речи.

Стилистически окрашенная лексика в зависимости от сферы ее употребления подразделяется на два больших разряда: книжную (письменную) и разговорную (устную) лексику.

Книжная лексика связана со строго нормированной литературной речью и ее письменными разновидностями (публицистикой, научной и

художественной литературой, деловыми бумагами, официальными документами). В ее состав входят научные, общественно-политические и технические термины (*нейтрон, реактор, люминесценция, голография, аффикс, флексия, ратификация, нейтралитет, солидарность, консул, догматизм, вектор, молекула, дифференциал*), отвлеченные существительные с суффиксами *-ость, -ствие, -ние, -изм* и др. (*длительность, вероятность, несоответствие, осмысление, выражение, мировоззрение, формация, ориентация, классификация, классицизм, упорство*), сложные наименования и сложносокращенные слова (*смазочные масла, высококачественные стали, БелГА*), слова официально-делового стиля (*референдум, уведомить, служащие, устав, постановление, приказ, нижеподписавшиеся, обязан, таковой, вышеуказанный, во избежание*), устаревшие слова и неологизмы (*выя, чело, уста, боярин, гусар, урядник, радиохирургия*) и др.

В книжную лексику входят также экзотизмы и варваризмы.

Экзотизмы – иноязычные слова, освоенные в русском языке и употребляемые при описании быта, обычаев, национальных черт того или другого народа: *кастаньеты, коррида, тореро, сакля, шиллинг, фунт, кимоно, леди, мсье, сэ, мистер, дон, синьор, мадам*.

Варваризмы (иноязычные вкрапления) — иностранные слова, частично освоенные в языке (или вовсе не освоенные) и употребляемые для передачи местного колорита той или иной страны и ее людей, а также в целях речевой характеристики героя, создания комического эффекта.

Разговорная лексика употребляется при непосредственном, неофициальном общении, непринужденной беседе. В толковых словарях она отмечается в большинстве случаев пометой «разговорное».

В зависимости от степени стилистической окраски выделяют две разновидности разговорной лексики: собственно разговорную (общенародную, разговорно-литературную) и просторечную лексику.

Собственно разговорная лексика составляет основной пласт состава разговорной речи. Она не нарушает норм литературного языка, ограничиваясь лишь сферой употребления (устно-бытовой).

Просторечная лексика имеет большую стилистическую сниженность, выразительную экспрессивную окраску (фамильярную, грубую, ироническую, презрительную, бранную) и находится на грани литературной нормы. В толковых словарях такие слова отмечаются пометами «просторечное», «грубое», «ироническое», «неодобрительное», «презрительное», «шутливое» (*оболтус, жадина, чепуха, затрещина, галдеть, вдрызг*).

Разновидностью просторечий являются вульгаризмы – слова, характеризующиеся большой степенью грубости, вульгарностью. В речи такие слова выступают в качестве синонимов к общеизвестным, нейтральным обозначениям (*мурло, харя, зенки, хамло*).

9. Фразеологизмы (фразеологические единицы, фразеологические обороты, фраземы и др.) – устойчивые сочетания слов, постоянные по своему значению, составу и структуре, воспроизводимые в речи в качестве готовых и целостных лексических единиц.

Фразеологизмы с точки зрения морфологической могут рассматриваться в зависимости от того, к каким частям речи относятся составляющие их слова и с какой частью речи соотносится весь фразеологизм. По соотношению с частью речи выделяются фразеологизмы: 1) глагольные (или вербальные): *бросать тень, класть зубы на полку*; 2) именные (или субстантивные): *дневное светило, хождение по мукам*; 3) адъективные: *гол как сокол, на одно лицо*; 4) наречные (или адвербиальные): *кто в лес кто по дрова, на веки вечные*; 5) междометные: *Вот тебе раз!; Мать честная!*

Фразеологизмы с точки зрения происхождения могут быть, как и слова, исконно русскими и заимствованными. Исконно русские фразеологизмы составляют основу фразеологии. В большинстве случаев эти фразеологизмы возникли из свободных сочетаний слов: *держат камень за пазухой, смотреть сквозь пальцы, тёртый калач* и др. Большинство заимствованных фразеологизмов – старославянского происхождения, из церковных книг: *в поте лица, второе пришествие, запретный плод, ложь во спасение, хлеб насущный* и др. Фразеологизмы, заимствованные из других языков, в разной степени освоены русским языком. Варваризмы употребляются в русских текстах без перевода и передаются латинскими или русскими буквами: лат. *alma-mater* – *альма матер*, *perpetuum mobile* – *перпетуум-мобиле*; англ. *all right* – *олл райт*, *good bye* – *гуд бай* и др. Фразеологические кальки – результат пословного перевода иноязычного фразеологизма: *отец семейства* (лат. *pater familiae*), *убить время* (франц. *tuer de temps*), *вот где собака зарыта* (нем. *Da ist der Hund begraben*) и др. Фразеологические полукальки – результат перевода части иноязычного фразеологизма и заимствования без перевода остальной его части: *зондировать почву* (франц. *sonder le terrain*), *жёлтая пресса* (англ. *jellow press*) и др.

Фразеологизмы с точки зрения семантической слитности и соотношения их значений со значениями составляющих их слов делят на три типа. Фразеологические сращения – семантически неразложимые словосочетания, значение которых невыводимо из значений составляющих

их слов: *бить баклуши, валять дурака, как пить дать, попасть впросак* и др. Фразеологические единства – устойчивые словосочетания, единое, целостное значение которых метафорически мотивированно прямыми значениями составляющих их слов: *белая ворона, делать из мухи слона, стреляный воробей* и др. Эти устойчивые словосочетания обычно отличает яркая образность. Лишены этой образности составные термины: *белый гриб, вопросительный знак, дом отдыха, скорая помощь* и др. Фразеологические сочетания семантически разложимы, каждое слово в них имеет свое значение. При этом, наряду со словами, имеющими свободные значения, в фразеологическое сочетание входит слово с несвободным, фразеологически связанным значением: *закадычный друг, крик моды, плакать навзрыд*. Кроме этих трех типов, Н.М. Шанский выделил фразеологические выражения – словосочетания и предложения, семантически членимые и целиком состоящие из слов со свободными значениями, но в процессе общения воспроизводимые как готовые языковые единицы с постоянным составом и значением. Фразеологические выражения могут иметь коммуникативный характер: *Волков бояться – в лес не ходить* (посл.); *Любви все возрасты покорны* (П.) и номинативный характер: *высшее учебное заведение, на данном этапе, трудовые успехи* и др.

Фразеологизмы с точки зрения экспрессивно-стилистической классифицируются так же, как и слова. Межстилевых (или нейтральных) фразеологизмов меньше, чем стилистически окрашенных: *время от времени, железная дорога, из года в год, сдержат слово* и др. Основная масса фразеологизмов употребляется в разговорной речи. Многие из них характеризуются как разговорные: *два сапога пара, задняя мысль, искры из глаз посыпались, переливать из пустого в порожнее* и др. Стилистически более снижены просторечные: *вожжа под хвост попала, кишка тонка, рылом не вышел* и др. и грубо-просторечные фразеологизмы: *базарная баба, вкручивать мозги, какого рожна, послать подальше* и др. Книжные фразеологизмы имеют приподнятую экспрессивно-стилистическую окраску и характерны для письменной речи: *волею судеб, вступить на стезю, ложь во спасение, подборник правды* и др.

10. Энциклопедия, -и, ж. 1. Научное справочное пособие во всем или отдельным отраслям знания (преимущественно в форме словаря). *Литературная энциклопедия. Большая медицинская энциклопедия. Сельскохозяйственная энциклопедия. Большая советская энциклопедия.* // перен. Свод, совокупность знаний, сведений по какому-л. вопросу. *«Онегина» можно назвать энциклопедией русской жизни и*

в высшей степени народным произведением. Белинский. Сочинения А. Пушкина.

2. *чего. Устар.* Приведенное в систему обозрение различных отраслей какой-л. науки. *Профессор Армфельд, читавший нам энциклопедию медицины, производил на своих лекциях впечатление очень умного и образованного человека.* Сеченов. Автобиографические записки.

◇ Ходячая энциклопедия (*шутл.*) – о человеке, обладающем разносторонними знаниями, у которого всегда можно навести справку по самым различным вопросам.

[Франц. encyclopédie]

Образец выполнения заданий

А дома ничего не знали, жизнь в деревне тянулась летняя, знакомая, милая, едва затронутая далекой войной, шедшей уже целый год. Старый, зеленовато-серый, деревянный дом, соединенный галереей с флигелем, весело и спокойно глядел цветшими глазами своих двух стеклянных веранд на опушку парка и на оранжевый крендель садовых тропинок, огибавших черноземную пестроту куртин. В гостиной, где стояла белая мебель и на скатерти стола, расшитой розами, лежали тома старых журналов, желтый паркет выливался из наклонного зеркала в овальной раме, и дагерротипы на стенах слушали, как оживало и звенело белое пианино. Вечером молодой высокий белокурый бойкий буфетчик в нитяных перчатках выносил на веранду лампу под шелковым абажуром, и Ганин возвращался домой пить чай из самовара, глотать ложку за ложкой холодные хлопья простокваши из столового серебра на этой светлой веранде с камышовым ковром на полу и черными лаврами вдоль каменных ступеней, ведущих в сад.

Он теперь ежедневно встречался с Машенькой, они бродили по той стороне реки, где стояла на зеленом холму пустая белая усадьба и был другой парк, пошире и запущеннее, чем на мызе. Моросил дождь.

Пред этой чужой усадьбой, на высокой площадке над берегом реки, стояли под липами скамьи и железный круглый стол, с дыркой посередине для стока дождевой воды. Оттуда виден был далеко внизу мост через тинистую излучину и шоссе, поднимавшееся в Воскресенск. Эта площадка была их любимым местом.

(Б. Набоков)

1. Однозначные слова

Флигель – пристройка сбоку главного здания или дом во дворе большого здания (Ож., 852).

Простокваша – густое прокисшее молоко (Ож., 620).

Абажур – колпак для лампы, светильника (Ож., 23).

Многозначные слова

Хлопья – 1. Ключья, пушистые комья чего-н. 2. Раздробленные, размягчённые зёрна как пищевой продукт (Ож., 861).

Серебро – 1. Драгоценный блестящий металл серовато-белого цвета. 2. Изделия из такого металла. 3. Мелкие разменные монеты из сплава с таким металлом или никелем. 4. Посеребренные нити (Ож., 711).

Ганин возвращался глотать ложку за ложкой холодные хлопья простокваши из столового серебра (метонимия).

Дом – 1. Жилое (или для учреждения) здание. 2. Своё жильё, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство. 3. Место, где живут люди, объединённые общими интересами, условиями существования. 4. Учреждение, заведение, обслуживающее какие-н. общественные нужды (Ож., 177).

Дом глядел – метафора (образная).

Жизнь тянулась летняя, знакомая, милая – метафора (образная).

2. Холодный – студёный, прохладный, ледяной, морозный, свежий (СРС, 479) (семантические).

Старый – ветхий, древний, многолетний, вековой, многовековой, старинный, давний, старобытный, стародавний, старомодный, устарелый, застарелый, давнишний, допотопный, извечный (СРС, 429) (семантико-стилистические).

Глядеть – взирать, пялиться (СРС, 99) (стилистические).

3. Высокий – низкий (буфетчик – рост), высокая – низкая (площадка – протяженность, размер);

далекий – близкий (пространство);

молодой – старый (возраст);

холодные – горячие (ощущения).

4. Липа¹ – лиственное дерево с сердцевидными зубчатыми листьями и душистыми медоносными цветами.

Липа² (разг.) – фальшивка, подделка – омонимы (полные лексические) (Ож., 327).

Опушка¹ – меховая обшивка по краям одежды.

Опушка² – край леса – омонимы (полные лексические) (Ож., 455).

Парк¹ – большой сад или насаженная роща с аллеями, цветниками, водоемами.

Парк² – передвижной склад для снабжения армии (Ож., 491).

5. Общеславянские: *жизнь, липа, высокий, знать*.

Восточнославянские: *самовар, белокурый, бойкий, бродить*.

Собственно русские: *буфетчик, деревня, вдоль*.

6. Веранда [англ. veranda] – крытый балкон, терраса вокруг дома или вдоль стены (ССИС, 121) (бытовое понятие).

Пианино [ит. piano] – разновидность фортепьяно с прямоугольным, вертикально стоящим корпусом, в котором струны, дека и механика расположены вертикально (ССИС, 460) (музыкальная терминология).

Крендель [нем. Krenzel] – витая (обычно сладкая) булка в форме восьмёрки (ССИС, 318) (бытовое понятие).

Чай [кит.] – высушенные и особо обработанные листья некоторых культивируемых вечнозелёных растений сем. чайных, на которых настаивается горячий напиток того же названия (ССИС, 684).

Степень освоения заимствованных слов русским языком

Полностью вошли в активный словарный состав	Употребляются наряду с русскими параллелями	Употребляются при описании чужеземных обычаев, особенностей жизни и быта (экзотизмы)
<i>чай</i> <i>пианино</i> <i>веранда</i>	<i>флигель</i> (нем.) – пристройка, дом <i>куртина</i> (фр.) – грядка, клумба	<i>мыза</i> – усадьба, хутор (преимущественно в Прибалтике)

7. Дагерротип – ранний способ фотографирования на металлическую пластинку, покрытую слоем йодистого серебра; снимок (историзм).

Брег – берег (архаизм, фонетический) – неполногласное сочетание *ре* между согласными в корнях, соотносимое с русским полногласным сочетанием *ере*.

Пред – перед (архаизм, фонетический).

8. Межстилевые слова: *год, старый, весело, два, пить, слушать*.

Письменно-книжные: *дагерротип*.

Устно-разговорные: *посерёдке*.

При выполнении задания обращать внимание на стилистические пометы, представленные в толковых словарях.

9. Земля обетованная 1. Место, куда кто-нибудь страстно мечтает, стремится попасть. 2. Предмет страстных желаний, устремлений, надежд и т.п. 3. Место, где царит довольство, изобилие, счастье (ФСРЯ, 173)

а) заимствованный, старославянского происхождения; б) именной (субстантивный); в) фразеологическое сращение; г) книжный.

Кусать <себе> локти – досадовать, сожалеть о непоправимом, упущенном, утерянном (ФСРЯ, 218)

а) русский; б) глагольный; в) фразеологическое единство; г) разговорный.

Стартовая площадка – о том, что даёт толчок к новой успешной работе (РФ, 104)

а) русский; б) именной (субстантивный); в) фразеологическое выражение; г) книжный.

Знать/узнать всю подноготную – узнать все тщательно скрываемые мельчайшие подробности чего-л. (РФ, 105)

а) русский; б) глагольный; в) фразеологическое сращение; г) разговорный.

Литература

Основная

1. Современный русский язык. Ч. 1 / под ред. П.П. Шубы. – Мн., 1998.
2. Современный русский язык / под ред. И.А. Киселева. – Мн., 1990.
3. Современный русский язык / под ред. М.Г. Булахова и И.С. Козырева. – Мн., 1991.
4. Современный русский язык / под ред. П.А. Леканта. – М., 1988.
5. Современный русский язык. Ч. 1 / под ред. Д.Э. Розенталя. 3-е изд. – М., 1979.
6. Фомина, М.И. Современный русский язык: Лексикология / М.И. Фомина. – М., 1983.
7. Шанский, Н.М. Современный русский язык. Ч. 1 / Н.М. Шанский, В.В. Иванов. – М., 1981.
8. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М., 1972.
9. Шмелёв, Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелёв. – М., 1977.

Дополнительная

1. Арсеньева, М.Г. Многозначность и омонимия / М.Г. Арсеньева. – Л., 1966.
2. Будагов, Р.А. Литературные языки и языковые стили / Р.А. Будагов. – М., 1967.
3. Будагов, Р.А. Метафора и сравнение в контексте художественного целого / Р.А. Будагов // Русский язык в школе. – 1973. – № 1.
4. Будагов, Р.А. Закон многозначности слова / Р.А. Будагов // Будагов Р.А. Человек и его язык. – М., 1978.
5. Виноградов, В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М., 1977.
6. Виноградов, В.В. Смысловая структура слова / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1972.
7. Винокур, Г.О. О славянизмах в современном русском литературном языке / Г.О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.
8. Ефимов, А.И. Стилистика русского языка / А.И. Ефимов. – М., 1969.

9. Замкова, В.В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века / В.В. Замкова. – М., 1975.
10. Калинин, А.В. Лексика русского языка / А.В. Калинин. – М., 1978.
11. Котелова, Н.З. Значение слова и его сочетаемость / Н.З. Котелова. – М., 1975.
12. Новиков, Л.А. Антонимия в русском языке / Л.А. Новиков. – М., 1973.
13. Палевская, М.Ф. Синонимика в русском языке / М.Ф. Палевская. – М., 1964.
14. Рыньков, Л.Н. Типы метафорических словосочетаний в языке художественной литературы / Л.Н. Рыньков // Русский язык в школе. – 1975. – №1.
15. Сиротина, В.А. Метонимия и метонимический эпитет в художественной речи / В.А. Сиротина // Русский язык в школе. – 1980. – №6.
16. Сироткина, О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности / О.Б. Сироткина. – М., 1974.
17. Уфимцева, А.А. Слово в лексико-семантической системе языка / А.А. Уфимцева. – М., 1968.
18. Шмелёв, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелёв. – М., 1973.
19. Шмелёв, Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях / Д.Н. Шмелёв. – М., 1977.

Словари

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – М.: Русские словари, 1994. http://files.zipsites.ru/books/slovari/Slovar_sinonimov_russkogo_yazyka.rar
2. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова. – М., 1968. <http://www.kodges.ru/6668-slovar-sinonimov-russkogo-jazyka.html>
3. Ахманова, О.С. Словарь омонимов русского языка / О.С. Ахманова. – М., 1974.
4. Горбацевич, К.С. Словарь синонимов русского языка / К.С. Горбацевич. – М.: Эксмо, 2008.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1978-1980. http://az.lib.ru/d/dalx_w_i/text_0110.shtml

6. Колесников, Н.П. Словарь паронимов русского языка / Н.П. Колесников. – Тбилиси, 1971.
7. Львов, М.Р. Словарь антонимов русского языка / М.Р.Львов. – М., 1987. <http://depositfiles.com/files/bq6bg7c2r>
8. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1986. http://bookz.ru/authors/ojegov-si-6vedova-nu/ozhegow_diction.html
9. Словарь иностранных слов / под ред. А.Г. Спиркина и др. – М., 1983.
10. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1999. <http://www.twirpx.com/file/433800/>
11. Современный словарь иностранных слов. – СПб.: Дуэт, 1994.
12. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. / под ред. В. И. Чернышёва. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965. <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2626328>
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – СПб.: Терра-Азбука, 1996. <http://vasmer.narod.ru/>
14. Фелицына В.П. Русские фразеологизмы : Лингвострановедческий словарь / В.П. Фелицына, В.М. Мокиенко. – М.: Русский язык, 1990. http://mirknig.com/knigi/guman_nauki/1181431954-russkie-frazeologizmy-lingvostranovedcheskiy-slovar.html
15. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров / под ред. А. И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1987.
16. <http://slovari.yandex.ru/>

Принятые сокращения

- Ож.** – Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1986.
- РФ** – Фелицына В.П. Русские фразеологизмы : Лингвострановедческий словарь / В.П. Фелицына, В.М. Мокиенко. – М.: Русский язык, 1990.
- СРС** – Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – М.: Русские словари, 1994.
- ССИС** – Современный словарь иностранных слов. – СПб.: Дуэт, 1994.
- ФСРЯ** – Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров / под ред. А. И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1987.

Учебное издание

Евтухова Ирина Георгиевна

**СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК. ЛЕКСИКОЛО-
ГИЯ**

ЗАДАНИЯ К КОНТРОЛЬНОЙ РАБОТЕ

для студентов заочного факультета
специальности 1-21 05 02 «Русская филология»
(по направлениям)

(1-21 05 02-01 «Литературно-редакционная деятельность»)

Подписано в печать _____ Формат 60x84 1/16.
Бумага писчая №1. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. _____ .
Уч.- изд. л. _____. Тираж _____ экз.

Отпечатано в учреждении образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»
246019, г. Гомель, ул. Советская, 104